

Друзья комбрига

Вот уже сколько лет прошло, а выявляются все новые факты о командире 220-й танковой бригады, нашем земляке Герое Советского Союза Андрее Никитиче Пашкове, вписавшем в книгу поморской славы немало новых незабываемых страниц.

На снимке, сделанном 20 сентября 1942 года, он слегка улыбается, как бы вслушиваясь в разговор березок, которые выстроились за его спиной. Еще были впереди у Андрея Никитича прорыв блокады Ленинграда, освобождение Прибалтики, Польши. Впереди было вступление в пределы Германии и тот январский день, который проложил черту между ним и тем делом, которому он отдал всю жизнь.

Уже не раз описан этот день, в том числе теми, кто был в это время в боевых порядках бригады, и даже теми, кто находился внутри танка. И тут, конечно, прежде всего, следует сказать о радисте командирской машины Ф.Ф. Гусарове. Жена комбрига Анна Григорьевна Перетягина получила письмо от бывшего сапера-танкиста З.М. Мордогалимова. В нем - новые детали, и сообщает их человек, как говорится, находившийся не под броней, а снаружи и, значит, имевший возможность наблюдать происходящее по-иному, чем те, кто был в машине. В своем письме бывший младший сержант сообщает о ходе боя. Из его рассказа следует, что немцы вели огонь по батальону из пушек, когда наша колонна подтягивалась к Одеру. В ход со стороны противника были пущены даже ручные гранаты, на что саперы отвечали огнем из своих автоматов. Вот тогда-то и был выпущен тот фаустпатрон, который прошил тело танка. Вот что пишет сапер: «Я увидел любимого командира. Казалось, он будто спит. Но он не спал: в висок справа попал осколок. Вот такой...» И тут же был нарисован маленький треугольничек, изображение того осколка, который оборвал жизнь командира. Далее сапер писал: «Поставили танк у дома. Тов. Пашкова Андрея Никитича вытащили из танка, аккуратно уложили его и покрыли, а мы все плакали. Его солдаты очень уважали. Прошло столько лет, а он, как живой, перед глазами. Я часто говорю про Вашего мужа. Он хорошо знал меня. Даже мою фамилию знал. Это не шутка, если комбриг знает фамилию солдата. Как-то, еще под Выборгом, он мне сказал: «Где вы так научились плотничать?» А я в ответ разъяснил, что работал до войны столяром».

Так писал жене своего комбрига сапер-танкист Мордогалимов Зиннат Мордогалимович. И пусть есть в его описаниях обстоятельств гибели Пашкова какие-то разночтения по сравнению с другими свидетельствами - все равно это письмо, к которому хорошо бы еще вернуться, воскрешает те дни в новом ракурсе, с точки зрения саперов, прокладывающих дорогу танкистам.

Конечно, и этого солдата можно с полным основанием отнести к числу друзей комбрига, ибо ведем мы речь о боевых друзьях.

Но среди самых близких первое место, конечно, принадлежит его жене и сыну. Это им он адресовал с фронта более двухсот писем, это они ждали его и в сорок первом, и в сорок пятом, а потом побывали на освобождаемой им польской земле. Побывали и там, где оставила следы своих гусениц та «тридцатьчетверка», которая стала последним домом полковника.

Письмо из Велени (Польша):

«Уважаемая Анна Григорьевна! Пишу Вам из Польши от имени директора школы и всей школьной молодежи. Мы живем в небольшом городке Велень на реке Нотеть в Пильском воеводстве.

Неподалеку от нашего города (в четырех километрах) в 1945 году погиб смертью солдата Ваш муж Андрей Никитич Пашков. Теперь наша школа хочет принять имя Вашего мужа, Героя Советского Союза. Поэтому у нас к Вам большая просьба: пришлите нам, пожалуйста, все, что возможно, для выставки, посвященной Вашему мужу. Это могут быть фотографии, статьи из газет, его письма с фронта».

Письмо подписала учительница русского языка и «покровительница школьного самоуправления» Ханна Станиславовна Кочмарек.

...Конец октября в тот год, когда мне удалось познакомиться с семьей о комбрига, выдался непогожим. В тот день, когда я приехал в Автово, дул сильный, порывистый ветер, шел мокрый снег. И все же Ленинград всегда Ленинград. И здесь, в Автово, можно было разглядеть черты одного из красивейших городов мира. А от Автова до квартиры Анны Григорьевны Пашковой-Перетягиной, живущей на улице Лени Голикова, рукой подать. О многом напоминает ей девичья фамилия: об учебе в сорокской школе ФЗО, о работе на лесозаводе, о вступлении в партию. Одним из рекомендуемых был Андрей. А потом она стала его женой. И вплоть до самой войны делила с ним все трудности кочевой жизни, которая выпадала на долю командира Красной Армии.

В одном из последних своих писем с фронта, датированном 4 января 1945 года, Андрей писал: «Вот я на новой квартире в густом сосновом лесу, закопался со всем хозяйством глубоко в землю. Это последняя квартира перед боем. Сейчас у меня в голове две большие мысли: 1. Это вы, моя семья, с которой я хочу встречи, после которой никакого расставания; 2. Это выиграть бой без больших потерь, выполнить задачу».

Бой был выигран, а встреча не состоялась.

Вместе с Анной Григорьевной мы путешествуем по страницам старого семейного альбома. Мы видим Андрея в кругу его карельских друзей. На обороте одной из фотографий такие строки: «Храни свой обет в партбилете, храни комсомольский размах. А. Кликачев. Москва, 10.1.1930».

Впоследствии Кликачев, друг комсомольской юности комбрига, написал о нем книгу. А еще несколько лет спустя мы с Андреем Ивановичем в соавторстве написали документальную повесть о разведчиках «Позывные из ночи». Так скрещиваются судьбы. И поэтому не случайной была эта встреча в Ленинграде. Хотел вслед за Кликачевым вернуться к судьбе его друга Андрея Пашкова.

Анну Григорьевну Перетягину окружают книги, журналы, письма. Она бережно собирает все, что имеет прямое или хотя бы косвенное отношение к судьбе ее мужа. И еще здесь книги и учебники, напоминающие о том, что А.Г. Перетягина в течение двадцати лет преподавала политэкономия в высшем учебном заведении.

Все о нем... Вот так и появляется, как бы из прошлого, письмо сапера, которое я цитировал. Или совсем недавнее письмо помтеха роты в те годы, а ныне майора в отставке Воробьева.

И что в нем любопытно, помимо описания боевых дел? Лучше процитируем:

«Я как-то зашел в штаб нашего батальона и услышал, что кто-то играет на рояле и аккордеоне. На рояле играл старший лейтенант, а на аккордеоне писарь штаба, старшина. Я когда-то принимал участие в художественной самодеятельности: выступал в редком жанре, с художественным свистом. Я попросил их сыграть несколько мелодий, подключился к ним. Им понравилось мое выступление. Они предложили сходить к полковнику Пашкову с предложением организовать концерт. Андрей Никитич, всегда горячо откликавшийся на каждую инициативу, дал добро. Нашлось много желающих принять участие в этом концерте: и шофер дядя Миша, и танкистка Валентина Грибалева, и военфельдшер, которая очень эффектно выглядела в бархатном эстрадном платье. Концертов состоялось несколько, и комбриг раза два был среди зрителей, потом благодарил «артистов».

Вот такие бывают воспоминания и у боевых командиров. Но и фронтовой быт отличался разнообразием. Не только бои, не только оборона и наступление, но и широкий круг людских малых и существенных радостей и огорчений.

Много снимков в семейном альбоме, и рассказывают они о многом. Вот Анна Григорьевна совсем молодая с сыном Женей, которого очень трудно сопоставить с тем Евгением Андреевичем, с которым мы познакомились и с тех пор нередко встречались. Инженер, хороший инженер. Автомобилист. Летом с женой и ребенком ездит в отцовскую поморскую деревню, где не осталось жителей, но тесно селятся воспоминания. Большой книголюб. Круг читательских интересов широк. Мы отчаянно спорили о Пикуле.

Как раз в разгар этого спора, помню, стали собираться у Анны Григорьевны боевые друзья мужа. Первым пришел М.И. Лампусов, бывший заместитель Пашкова по строевой части в 220-й бригаде. Он-то и принял временно командование, когда погиб Андрей Никитич. Михаил Иванович в качестве политработника участвовал в советско-финляндской войне и был награжден орденом Ленина. На фронте он познакомился с Александром Твардовским, подивился тому, как непринужденно вел себя в сложной боевой обстановке поэт. «Вот что, сказал ему на прощание Лампусов, провозжая до газика, передайте, пожалуйста, в штаб это боевое донесение...» Впоследствии Александр Трифонович прислал своему фронтовому знакомому одно из первых изданий «Василия Теркина».

Михаил Иванович уже служил в 220-й танковой бригаде, когда ее командиром был назначен Пашков. О нем многое слышали: что начал войну в соединении, которым командовал И.Д. Черняховский, что храбростью отличается необыкновенной, что себя не бережет. Но одно дело слышать и совсем иное - самим убедиться.

- Он сразу произвел самое благоприятное впечатление, - сказал Лампусов и тут же поделился конкретными впечатлениями, свидетельствующими о том, что, прежде всего, ценил в людях новый комбриг: самостоятельность. Это сразу поняли комбаты М.Д. Кононов, В.А. Гнедин, В.Г. Кабанов. Все они впоследствии, как и комбриг, стали Героями Советского Союза.

Все комбаты полушутя-полусерьезно называли Пашкова «батей». Конечно, это не соответствовало его возрасту, но сполна соответствовало той степени боевой мудрости, которой

он к этому времени овладел. Кроме одного: никак не мог уйти от привычки к излишнему риску. Впрочем, кто на фронте знал, где кончается риск и начинается робость.

Зашел разговор о Пилице. Эта не слишком широкая речка, которую на редкой карте найдешь, стала важной вехой в боевой биографии бригады. При драматических, сложных обстоятельствах, будучи на острие наступления фронта, перешла через нее с тяжелыми боями бригада, открыв дорогу вглубь Польши несущим ей освобождение от нацистов советским войскам.

А драматичность была в том, что из трех переправ лишь одна была танковой, а какая - это, несмотря на всю тщательность разведки, до последнего момента не удалось выяснить. Вот и повел Пашков бригаду в наступление так, чтобы в любой момент можно было бросить основные силы в том, единственно нужном направлении. А ведь еще надо было разминировать мост, не дать подорвать его. И тут же важно захватить надежный плацдарм на противоположном берегу Пилицы. Тут отличился Гнедин и его люди.

А дальше пошли бои за город... - Михаил Иванович на мгновение запомнил, какой.

- Вы имеете в виду город Скернивице, - сказал, входя в комнату, Федор Федорович Гусаров.

Его мы все очень ожидали. Ведь именно Ф.Ф. Гусаров перед началом решающего наступления стал стрелком-радистом на машине комбрига.

- Командиром этого танка был лейтенант Головатюк, - напомнил Федор Федорович, - механиком-водителем - Владимир Егоров, заряжающим - Василий Матвеев. Ну а радистом - я. Впервые довелось увидеть комбрига во время недолгой передышки. Мы как раз проводили футбольный матч между командами роты управления и одного из батальонов. На мою долю выпали вратарские обязанности. Помню, удачно взял с близкого расстояния пробитый мяч. В ответ невысокий человек с полковничьими погонами и озорными глазами громко прокомментировал: «Держи, старшина, и дальше так». Это и был Пашков.

Заглядывая вперед, нельзя не сказать о том, что Гусаров «так держал» и всю войну и после нее, когда, вспомнив увлечения молодости, стал кораблестроителем, а потом долгое время был на руководящей партийной работе. Но сейчас, в эту минуту, он был тем старшиной, которого похвалил комбриг за умелые действия на футбольном поле, перед тем как им предстояли большие испытания на поле ратном.

- И еще вспомнился такой случай, - продолжал Федор Федорович. - Было построение. Осмотрел нас комбриг критическим взглядом и скомандовал:

- Ермаков, ко мне! - Зампохоз как из-под земли вырос. - Это что - боевая танковая часть или... Одень бригаду, как сам одет!.. - Все недоговорки были поняты правильно, и скоро мы получили новое обмундирование... Накануне того трагического дня мы заночевали в небольшом домике недалеко от костела. Полковник, как всегда, долго не ложился. Еще до этого, помню, я после полуночи принес ему очередной запрос из штаба пятой ударной армии. Андрей Никитич оторвался от письма из дому и вызвал майора Н.В. Урусова, дав ему подробные указания о том, как надо ответить. Потом спросил меня: «Ты что, еще не ложишься спать?» Я ответил, что лягу, когда закончу радиообмен. «Не пойдет!» - ответил комбриг. Он велел разбудить радиотехника К.И. Бирюкова и приказал ему сменить меня на вахте. «А ты, морячок, отправляйся отдыхать, завтра работы будет много, - и, взглянув на часы, добавил: - Нет, уже не завтра, а сегодня...»

Так вот, заночевали мы в другой раз недалеко от костела. У входа, конечно, были часовые. К ним-то и обратился сухощавый человек в черном. Он заявил, что ему нужно поговорить с господином полковником. Доложили комбригу. «Пропустите!» - сказал он, хотя уже готовился ко сну. Оказалось, посетитель - ксендз и пришел сообщить, что немцы в костеле устроили склад награбленного ими добра. Тут же были приняты соответствующие меры по учету и охране имущества.

27 января был ясный, солнечный день. Мы быстро двигались вперед.

- Ну, чины, - сказал Пашков, - доложу я вам такую новость: теперь мы уже в Германии.

Это была одна из последних его реплик.

- Вы знаете, - заметил Федор Федорович. - Жизнь моя богата событиями. До войны и после нее плавал штурманом в торговом флоте. В разных переплетах бывал... Потом корабли строил, в Ленинградском обкоме инструктором был. Завершал трудовую биографию начальником отдела в центральном проектном бюро «Волна». Инфаркт от чертежного стола, от верфей оторвал. Много повидал, многое пережил. Но те минуты в танке и смерть Пашкова вижу снова и снова... Как на киноленте. У меня брат Дмитрий был командиром подводной лодки Л-16, той, что была подло потоплена в сорок втором на переходе Датч Харбор - Сан-Франциско. Безмерно горько. Но того я не видел. А это так и впечаталось в память. И сейчас в ушах звенят позывные «Атласа», комбрига нашего позывные.

Беседовали мы тогда на улице Лени Голикова за полночь. А на следующий день я отправился на улицу Маяковского к Дмитрию Васильевичу Грибакину. Он был командиром роты в полку тяжелых танков, который под командованием Пашкова участвовал в прорыве блокады Ленинграда:

- В ряду людей, которых я всегда помню, которых считаю людьми с большой буквы, одно из первых мест занимает Андрей Никитич Пашков.

Эту фамилию он произносил с ударением на первом слоге, и было в этом нечто напоминающее о Невской заставе, о людях в рабочих спецовках.

- Нашему командиру, - продолжал Дмитрий Васильевич, - посвящены многие страницы моего дневника. Я знал его еще по 7-й гвардейской танковой бригаде, заместителем командира которой он был. Но особенно хорошо узнал по 32-му полку тяжелых танков. Вот одна из дневниковых записей:

«Сегодня вместе с гвардии полковником Пашковым довелось пройти по недавнему полю сражения. Несколько танков подзастряли в разных положениях. «Поскорее их надо пустить в дело, - говорил Пашков. - Нам надо не отсиживаться в воронках, а идти дальше, за эту рощу. Ленинград должен быть освобожден от блокады, и как можно скорее».

Прошло несколько дней, боевых, напряженных, и Пашков, собрав нас, сказал: «Поздравляю всех вас от души. Шлиссельбург взят, блокада прорвана. В этом есть и наши с вами заслуги».

Сколько лет прошло, а я все вижу перед собой этого человека. Вижу его ясные серые глаза, его светлые волосы, слышу звучный голос, в котором бывали разные оттенки, но всегда ощущалась искренность. Этот человек не умел хитрить. Как есть, так есть... В обращении он был очень прост. Любил отважных людей и не переносил трусов, подхалимов, формалистов.

Друзья комбрига. Со многими из них довелось встретиться, и они вместе создавали коллективный портрет своего командира.

Свои очень убедительные штрихи в этот портрет внес бывший командир медицинского отделения бригады, а затем петрозаводский врач Евгений Александрович Норейко, удостоенный звания заслуженного врача Карельской АССР.

Норейко встретился с Пашковым вскоре после того, как Андрей Никитич принял бригаду у другого «мушкетера - Проценко.

Первое впечатление было таким.

- Он, казалось, всматривался в тебя, мысленно задавая вопрос: «Посмотрим, браток, чего ты стоишь... Посмотрим, что ты за чин». Потом выяснилось, что слово «чин» Пашков употреблять очень любил, вкладывая в него, исходя из обстоятельств, совершенно различный смысл. И гневный, и саркастический, и доверительный. Видел я его в походной форме. Видел, как, сдвинув на затылок пыльный шлем, он вытирал ладонью потный лоб. В такие минуты комбриг казался сталеваром, ведущим плавку. К своим хворям, вызванным ранениями, он относился не без юмора. На советы лечиться неизменно отвечал так: «Ты мне дай какой-нибудь хороший порошок, и дело с концом...» Приходилось давать порошок...

Об этом уже сказано: бригада приняла активное участие в Висло-Одерской операции. В ходе этих боев Норейко часто видел комбрига при разных обстоятельствах.

- Когда один из офицеров на глазах Пашкова позволил себе грубость в отношении подчиненного, полковник не сдержался: «Послушай, чин, что это ты в тылу смелость показываешь? Вон там ее надо показывать!» - И он указал пистолетом вперед, туда, где, по мнению танкового командира, был «не тыл».

Маршал Жуков в своих воспоминаниях отмечает в числе соединений, отличившихся при форсировании Одера, входившую в состав передового отряда 220-ю танковую бригаду. Да, к утру 31 января Одер был форсирован при участии танкистов Пашкова, но самого комбрига с ними уже не было. Норейко со вновь вспыхнувшей горечью рассказывает, как он установил его смерть, как провожали полковника в последний путь. На траурном митинге в Вонгровце не было многих друзей комбрига, но не по их вине.

«Нам, экипажу командирского танка, - писал более сорока лет спустя Ф.Ф. Гусаров, - как и многим другим танкистам бригады, не удалось проводить своего любимого командира в последний путь. Оружейный залп траурного салюта у могилы А.Н. Пашкова мы поддержали боевыми выстрелами танковых пушек». Ну, а потом бригада брала Берлин. 220-я Гатчинско-Берлинская Краснознаменная ордена Суворова второй степени танковая бригада. «Сейчас сажусь в танк», - писал Пашков. Он остался в строю, с друзьями.

Бацер, Ис. Друзья комбрига / Исаак Бацер // Человек с именем : очерки. – Петрозаводск : Карелия, 1987. – С. 163-172.

